

ГЕРМАН ИРЕНЕЕВ

АРТЕМ-ПОПАДАНЕЦ

Герман Иринеев Артем Попаданец

<https://litres.ru/74237477>

SelfPub; 2026

Аннотация

Артем Пригожин. Обыкновенный парень, каких тысячи и тысячи по России. Обыкновенный человек в необыкновенных обстоятельствах.

Как он будет жить?

Как он будет выживать?

Об этом эта книга.

Содержание

Глава 1. Темнота.

4

Конец ознакомительного фрагмента.

47

Герман Иринеев Артем Попаданец

Глава 1. Темнота.

Сирия. 2017.

Август. Жара. Пыль стоит столбом, песок скрипит на зубах. Конвой — три «Урала», бэтр, два «Тигра» — тащится по разбитой дороге на базу Т4. Раннее утро, солнце только встало, но уже печет. Небо высокое, голубое, ни облачка.

Артем сидит в кабине первого «Урала», сжимает рацию. В кузове трое его связистов и всякий радиотехнический шмурдяк. Он думает про свои 27 лет. Контракт, который он подписал в 2015, скоро закончится. После радиотехнического факультета НГТУ и получения корочек инженера полгода сидячей работы за нищенскую зарплату его достали до чертиков. Этим и воспользовался военком, выполняющий план по набору на контракт. Сулил деньги, социальную поддержку, интересные места. Да уж. Подумать не мог, что будет таскаться с рацией по сирийской пыли, а не настраивать сети в штабе.

— Десятый-Старому. Докладываю: третья точка. Движение в норме. Прием.

Треск. Что-то булькает-не разобрать. А на военной кафед-

ре говорили: лучшая аппаратура-в армии. Ну да. Китайская. Нет, конечно «Азарт» Артем видел. Под стеклом, на витрине. На курсах перед командировкой.

Слева все также пустыня, а справа потянулись холмы.

Первый «Тигр» ушел вперед, за полкилометра. Пыль стоит над дорогой, ничего не видно.

...

Взрыв.

Удар такой, что если бы не каска и броник, ему было бы худо. Стекло-вдребезги, по лицу что-то потекло. После грохота, который ломает барабанные перепонки— звенящая тишина. И на контрасте-пыль, дым, вспышки. Задницей чувствует, как машина всасывает пули. В голове бьётся одна мысль: «Останусь-добьют». На водительском кресле кроме крови никого и ничего. Артем неловко вываливается через свою дверь, падает на пыльную почву. А глаза уже ищут откуда бьют и куда отползти от машины. Ну, калаш, выручай, родной. Пара-тройка очередей на подавление и Артем уже за камнем. Рация? Да, заработала.

—Десятый-Старому: сработало СВУ, Урал разбит, Тигр-тоже. Есть один трехсотый. Ведем бой. Один километр на северо-запад от точки три. Как принял? Прием.

—Принял, понял. Жди вертушек. Оперативная группа выдвигается.

Артем обернулся на бойцов. Трое слева-свои, связисты. Двое справа. А эти откуда взялись? Видит сержанта, ловит

взгляд-кричит: «Вертушки на подходе. Оперативная группа будет. Держись.» Второй Тигр и бэтр не стоят, маневрируют, давят духов, сколько времени прошло-не знает, но два рожка уже опустошил. Сверху свист винтов и звук моторов. Пара крокодилов начинает утюжить холм с духами. Там поднимается пыль, огонь утих. Артем решает перебраться ко второму Уралу, который стоит с открытыми дверями, но вроде как не поврежденный. Сержанту:

—Я к Уралу, ты-главный тут.

После кивка в ответ побежал, пригибаясь. Летящую гранату от РПГ он заметил. Успел даже упасть. Наверное. Потому что земли не почувствовал. Почувствовал только песок, хлестнувший по лицу. Почувствовал тугой воздух, гарь и вспышку боли. И оторванную по локоть чью-то руку, лежавшую на том месте, куда он хотел упасть.

Сознание плывет. Но все еще как-то функционирует.

И даже словило хрип сбоку и чей-то голос в наушнике, но потом случился второй взрыв.

Артема сильно швырнуло.

Он знает это место.

Оно называется темнота. Или тишина. Или все вместе.

Вроде его шевелят. Голоса арабские.

Рука потянулась к кобуре. Или показалось, что потянулась.

О, а это русские. А потом снова арабские. Прохрипел:

—Воды...

И снова темнота. И тишина.

...

Его подобрали местные. Нашли за камнем, в ямке, заваленного песком. Без документов. Без сознания. В крови и грязи. В пикапе довели до блокпоста. Оттуда на «Линзе» доставили до Химок. По дороге стабилизировали, наложили шины. От боли Артем очнулся. Успел прохрипеть:

— Воды. — И опять отключился.

Воды ему дали только через капельницу. Когда сержант-медик передавал его в госпиталь на Химках, всего утыканного капельницами, озабоченно произнес:

— Наш первый клиент. Не потеряйте.

В следующий раз он очнулся от припекающего солнца уже на аэродроме. Он лежал на каталке под простыней, а манящая тень от самолета была рядом. И как ее достичь, он не знал.

Авиабазы, бетон, запах керосина. Суется медики. Ил76 прогревает моторы. Уже внутри слышит:

— Повезло, что не вытек. Так-то состояние стабилизировали, но все время в отключке.

— А как вообще он?

— Руки, ноги-срастутся. Зрачки реагируют. Но контузия серьезная.

Полет. Он слышит моторы, чувствует дрожь фюзеляжа, видит мерзкую лампочку под потолком, периодически загораживаемую каким-то человеком. Когда на лоб ложится про-

хладная ласковая рука он просит не убирать ее. Когда рука исчезает-он кричит, чтобы вернулась обратно. Но его никто не слышит. От своего крика он улетает в темноту.

Очнулся от холода.

Опять вонь керосина, шум, гарь и черное небо. В жестких огнях аэродрома- родные березки. С облегчением он закрыл глаза.

...

Осень 2017.

Палата. Чистые простыни. Запах лекарств и борща.

Это военный госпиталь. Под Москвой. Уже в прохладе русской равнины.

Операция. Две. Первая — на руке. Вторая — на ноге.

—Из голени вытащили крупный осколок и пару помельче, — так сказал хирург, пришедший после операции на осмотр и подаривший ему бутылек с двумя изорванными кусочками металла. — Но один остался. Мелкий, не металлический, его не трогаем. Возможно, будешь хромать, но не сильно. И будет ныть на перемену погоды.

Артем лежал, выздоравливая, но вокруг уже не раз собирались консилиумы озабоченных врачей. Про руки-ноги практически не вспоминают. Обсуждают контузию. Зрение.

Артем не понимает, о чем они. Он видит. Правда не совсем так, как раньше. Края темнеют. словно смотришь в трубу. А труба медленно, но неотвратимо сужается. Каждый день. По чуть-чуть.

Артем лежит, смотрит в потолок. Он все видит. Еще видит.

Три месяца — гипс, физиотерапия, ЛФК.

Кости срослись. Рука работает. Нога работает — почти. Хромота есть, но не сильная. Только на погоду. Или, когда устает.

Артем ходит. Сначала с костылями, потом с палкой, потом сам.

Но глаза... Глаза — другое.

Изменения незаметны. Но зрение все хуже. Сначала пропали края, остался только центр. Потом и центр стал темнеть и таять. Как будто кто-то медленно гасит свет.

Это не сразу. Прошли месяцы.

К ноябрю видит только тени, вспышки, свет и тьму.

К декабрю — ничего. Совсем.

Тьма.

Плотная, густая, как черный бархат.

...

Еще когда он видел и делал первые шаги после операции на ноге, пришел капитан из военкомата. С бумагами. Сел рядом. Мялся. Долго молчал. Вертел папку в руках.

— Артем, ты выслушай меня. Только спокойно.

— Что?

— Отец твой... Сердце. Инфаркт.

Артем молчит. Смотрит в потолок.

— А мама? — спрашивает тихо.

— Она в больнице. Состояние тяжелое. Но надежда есть.

Теперь понятно, почему никто ему не звонил, не отвечал на его звонки.

— Когда это случилось?

— Месяц назад.

Артем закрывает глаза. Примерно, когда его сюда привезли. Кстати, надо позвонить Лене. Пускай сходит, проведает.

Когда капитан ушел, он набирает Лене.

—Ой, Темка, это ты?—Голос радостный, веселый, в телефоне шум вечеринки.—А мы тут день рождения празднуем. Наташки. Помнишь, я тебе рассказывала про нее?

Артем не помнил. Но что-то утвердительное буркнул.

—Ладно, давай, я...мне сейчас неудобно говорить. Созвонимся потом. Целую! Обнимаю!

—Лен, я...—начал было Артем, но звонок уже был сброшен.

«Ладно, потом перезвоню, там, поди, такой бедлам, ничего не слышно...»-подумал Артем. На душе из-за мамы было тревожно.

Смерть отца подкосила мать, она слегла.

Артем в госпитале, не выходит. Он не может к ней. Она в больнице, не может к нему.

Так и лежат — сын в Подмосковье, мать в Новосибирске.

Почти каждый день он звонит.

Мать говорит тихо, прерывисто, часто плачет.

— Сынок, как ты?

— Нормально, мам. Рука, нога... все срастается. Уже самковыляю.

— А я тут... Одна я, сынок. Совсем одна.

— А Лена не заходила?

— Санитарки говорят—заходила. Передачку принесла. Но я тогда спала. Меня не разбудили.

— Я скоро приеду, мам. Мне отпуск положен на восстановление.

— Приезжай. Буду ждать. Я так соскучилась...

— Я тоже мам. До встречи.

Через неделю, после обеда, зашла заведующей, жесткая тетка, крашенная в радикально черный цвет. Пошепталась о чем-то с санитаркой, потом подошла к кровати, вздохнула.

— Артем. Ваша мама умерла. Вот извещение.

Она кладет конверт на тумбочку.

Декабрь.

За окном уже все покрыто белым снегом, а он все сыплет и сыплет.

Но Артем этого не видит.

— Вы мне врать не будете? — спрашивает Артем, сидя на стуле. Смотрит перед собой. Ну как «смотрит»? Темнота. Он уже почти привык не искать глазами собеседника.

— Не буду—Врач, нейрохирург, полковник, седой, усталый. Смотрит снимки, качает головой.

— Технически, зрение у вас нормальное. Хрусталик, зрачок, глазное дно, нервы—все в порядке.

Потом продолжает:

— А вот голова... голова— дело темное, лечению не подлежит, — вздыхает. —Зрение, у вас, возможно, восстановится. Но, когда и как — темна вода в облаках.

— Спасибо.

...

Дни шли. Лена давно не звонила, да и у него желания особого нет разговаривать. Но сейчас что-то тоска заела. Захотелось услышать голос. Приятный. Родной.

Попросил медсестру набрать номер. Та набрала, но не уходит, стоит рядом. Вот же овца любопытная.

—Привет Лен. Не помешал?

—Привет Тём. —голос какой-то отстраненный, тусклый. Занятая, видно. —Да нет. Не сильно.

—Лен, я тут хотел сказать...руки, ноги-то у меня зажили...только зрение...

—Что зрение?

—Я после контузии зрение потерял...

В трубке воцарилась тишина.

—Я понимаю...ты молодая..., что тебе со мной, инвалидом маяться? Ты, если что, не смотри на меня...найди здорового мужа, женись..., в смысле—выходи замуж.

—Ой, Темка, ...спасибо! —голос Лены сильно повеселел. —А я не знала, как сказать... в общем мы тут с Пашей...Пашку помнишь? —Артем смутно припоминал. —Так вот, у нас свадьба через неделю, представляешь? А я ...,

я не знала, как тебе сказать..., а ты..., Темка, ты такой хороший!...спасибо тебе, Артем. Ты настоящий друг!

—...Лен...— его голос внезапно охрип, когда он хотел что-то добавить, но трубку уже положили.

Позвонил. Услышал.

«Настоящий друг».

Он сидел на кровати, держал в руках телефон. По лицу текли слезы. Как и когда ушла медсестра он не заметил.

...

Выписали в конце января 2018.

Нога — слегка хромает. Рука — работает. Глаза... Глаза — нет. ВВК. Контракт завершен досрочно. Основание — инвалидность. Первая группа.

Билет до Новосибирска оформили через соцзащиту, сопровождающий — санитар, довел до купе. Тощенький рюкзак поставил под скамейку, пожал на прощание руку. Артем сидит у окна, смотрит на черноту за стеклом. Глаза открыты. Но он не отличает день от ночи. В купе вместе с Артемом едет семья. Муж, жена, ребенок. Познакомились. Артем заранее извинился, мол инвалид, не видит ничего, если кого нечаянно заденет, это не специально, без обид. Семья, добрые люди, стали ухаживать — чай принести, еще что. Мужик басом предложил:

—Если надо до туалета проводить или еще как помочь — не стесняйся, обращайся. Без проблем.

Артем смущенно улыбнулся.

—Спасибо. Я сам. Да и привыкать надо.

На душе у него потеплело.

Поезд идет двое суток. Он почти не ест, почти не пьет, почти не спит. Сидит, слушает стук колес. Плачет один раз, прижавшись лбом к холодному стеклу, когда ночью в тамбур вышел. Утром сынишка хнычет, ноет, хочет в окошко посмотреть. Женщина попросила Артема отодвинуться от окна, мол, он все равно не видит, а сыночка хочет. Муж так на нее цыкнул, что до конца поездки ни она, ни сын слова не сказали. Артему было неудобно.

...

На вокзале в Новосибирске Артема никто не встречал.

Сирота – надо привыкать.

Он попросил прохожего довести до стоянки такси. Один пробежал мимо, второй был не местным и куда идти — не знал. Третий довел. На такси доехал до дома. Двушка в Ленинском районе на третьем этаже панельной девятиэтажки. Только когда приехал —понял, что свои ключи он оставил в Сирии и открыть ему — некому. Он сполз по стене рядом с дверью. Заплакал бы, да слез уже не было. Так и сидел, пока не выглянула соседка, баба Валя. Узнала. Спросила, чего сидит так. Узнав про ключи, почти силой затолкала к себе домой, накормила, вызвонила старшую по подъезду, потом слесаря. К вечеру личинки на замках были поменаны, а у Артема в руках остался комплект новеньких ключей. Слесарю Артем заплатил так же, как и таксисту: вытащил пачку

денег, сказал, чтобы тот взял сколько надо. Слесарь помялся, пробормотал «я только за личинки» вытащил сколько-то и быстро ушел. Баба Валя тихонько заплакала.

Артем ночевал в квартире. На ощупь включил воду. Утром пришел соцработник, включил электричество на щитке, наскоро прибрался в доме, выкинул мусор, сходил в магазин.

Артем стал жить один, в пустой квартире. Слепой. Инвалид. Соцработник приходит три раза в неделю — купить продукты, убратся, приготовить. Остальное — сам. Учится ходить с палочкой. Сначала — по квартире. Потом — по лестнице. Медленно, страшно, каждый шаг — риск.

Учится варить макароны на слух. Жарить яйца — по запаху. Стирать, загружая машинку наощупь. Выйти на улицу — самая большая победа. С палочкой, считая шаги от подъезда до скамейки.

Он не жалуется. Никому. Да и некому.

...

Депрессия накрыла, как черная вода, которая медленно поднимается по щиколотку, колено, пояс.

Не сразу.

Сначала — просто пустота.

Не хочется вставать. Не хочется есть. Не хочется жить.

Очередной соцработник — женщина в возрасте, усталая, добрая — заходит и видит: Артем лежит на кровати, глаза открыты, смотрит в потолок. Рука свисает, палочка на полу.

— Артем, вы есть будете?

— Не хочу.

— А надо.

— Зачем?

Она смешалась. Молчит. Действительно, что тут сказать...

...

Время шло.

Вокруг него сустились люди: Общество инвалидов, общество слепых, служба соцзащиты, врачи, несколько раз заходила баба Валя. Все дергали его, что-то хотели, разговаривали. А ему было все равно.

Была еда – он ел. Не было – он не ел. Стричься, бриться, мыться... все это ему стало не нужным. Нет, он делал, когда его просили помыться. Или соцработники водили в парикмахерскую у дома. Но и только. В соцзащите его считали сложным. Стали отправлять ему волонтеров чисто для галочки. Вроде сходил человек, что-то сделал..., а что ходил, чего делал – это, практически, никого не интересовало. А уж Артема – в последнюю очередь.

Соцработники, штатные и волонтеры сменялись. А он был. Спал. Просыпался. Не умирал. Но и жить не хотел. Просто был.

День за днем. Неделя за неделей.

Так прошла весна, лето. За это время Артем только несколько раз выходил из дома в парикмахерскую. В начале

сентября, погожим днем он сидел на балконе под нежарким солнцем и слушал звуки двора, шум города. Как к нему зашел очередной соцработник – волонтер, он не слышал. Для удобства всяческих посетителей он квартиру на замок больше не закрывал. Он вздрогнул, лишь когда неожиданно его коснулась рука. Женская. Даже девичья.

—Я Света. Меня прислали из соцзащиты. Скажите, что вам на ужин сварить.

—Там. На кухне. Все есть. Спасибо. – Он опять застыл, даже не обернувшись.

Когда через час он пошел в туалет, он заметил, что из кухни доносятся шкворчание, вкусные запахи... после дошика и замороженных полуфабрикатов, к которым он уже привык, это было не совсем обычно. А совсем необычно было то, что когда он зашел на кухню, он увидел свет. Первый раз за почти год. Свет не яркий, но различимый. И имевший вид двигающейся человеческой фигуры. Присмотревшись, Артем даже мог утверждать, что фигура была вполне женской. Этот силуэт сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее закрутился и Артем упал в обморок.

Очнулся он, лежа на диване. Этот самый светящийся женский силуэт периодически давал ему нюхать слабенький нашатырь и дрожащим голосом просил:

—Артем, ну что же вы? Артем, ну очнитесь...

Он отвел руку с нашатырем и попытался сесть. Чувствовал себя вполне удовлетворительно, только немного подташ-

нивало.

—Я... Что со мной?

—Я готовила котлетки и борщ варила, а вы зашли на кухню и в обморок упали. Я вас до дивана дотащила... и вот, — быстро затараторил девичий голос. — Вы только больше не падайте так, а то я испугалась, да и тащить вас тяжело.

Она говорила еще что-то, а Артем молчал... Он не видел ничего. Только светящийся силуэт. Там, где голая кожа — ярче и четче. Там, где ткань — темное пятно. Такое же темное, как и все окружающее вокруг. Это было необычно и завораживающе красиво. Артем любовался.

—Света, вы — свет.

—Ну да, я Света. Волонтер. Мне надо на кухню, там все варится. Вам уже лучше? Вы больше не будете в обморок падать?

—Нет, не буду.

И про себя добавил «наверное».

...

31 декабря 2018. Новогодняя ночь. В городе — тишина. Только редкие машины пролетают по улице. Все слушают, что в очередной раз скажет президент. Бой курантов. Десять минут и тишина взрывается.

Соседи запускают салюты во дворе. Грохот, свист, хлопки. Артем невольно смотрит в окно.

И видит.

Вспышку.

Одну, другую, третью...

Прямо перед глазами. Через окно.

Он замирает.

Снова. Вспышка. Еще. Салюты бьют в небо, и он видит каждый залп. Не чётко — расплывчато, как через мутное стекло. Но видит. Изменения яркости. Даже цвета. Блекло. Плохо. Видит контуры.

Артем встает. Подходит к окну. Рукой находит подоконник. Смотрит.

Стоит, смотрит на салюты и по щеке течет слеза. Одна. Потом вторая.

— Я вижу, — говорит он вслух. — Я снова вижу.

Никто не слышит. А ему хотелось кричать.

...

После Нового года время полетело. И быстро.

Зрение проявлялось.

Январь — тени, очертания, движение.

Февраль — различает лица, крупные детали одежды.

Март — читает крупный шрифт с листа.

Апрель — газетный.

Май — почти как раньше.

Чуть расплывчато, чуть темнее края, но зрение вернулось.

Врачи в поликлинике пожимают плечами:

— Сказать, почему — не можем. Бывает.

Артем кивает.

— А дальше что?

— А что дальше? Наблюдайтесь. Живите. Радуйтесь.

Он живет. Радуетя. И начинает удивляться. Он видит. След от машины. Темный, если машина долго стояла. Видит, как светятся колеса если машина долго ехала. Про мотор и говорить нечего: если он горячий, то Артему никакого освещения под капотом не надо, он все видит. Любые машины, устройства — если греются — он видит их свечение. Люди. Он видит горячие места и холодные. Он видит не только красный. Но и инфракрасный. То же и цветы, насекомые...оказываются даже обыкновенные одуванчики на самом деле не совсем желтые, а с красным центром и светлыми краями. А люди? Он стал видеть реакции людей гораздо сильнее. На лице еще не написано, а кожа уже говорит. Он стал понимать пчел и шмелей. Блеклые цветы заворачивающе красивы, если видеть их в ультрафиолете. Пыльца светится. И насекомые. Те, которых раньше он не замечал, оказываются яркие в своей цветастости. А еще в ультрафиолете светится грязь, даже самая микроскопическая пыль.

Разные экраны гаджетов. Он стал очень разборчив в этом. Какие-то невыносимо греются. Какие-то-пылают ультрафиолетом. Да так, что глаза начинают болеть буквально через полчаса. Выходить в ясный день без темных очков-мучение. Зато, вечером или ночью...Он открыл для себя ночь, темноту. Особенно ему нравится поздним вечером, когда уже звезды и темно, но все вокруг еще светится дневным теплом.

Врачам не говорит. Зачем им это?

...

Поздняя осень 2019. Переаттестация. Инвалидность понизили. Третья группа — работать может. Через год будет еще одна комиссия. Если будет все нормально — инвалидность совсем снимут.

— Вы практически здоровы, Артем Александрович. Физически — здоровы. Нога вон, даже не хромает. Глаза — норма.

— А контузия?

— Последствия. Но не инвалидность.

Он выходит из госпиталя. Хмурый осенний день. Холодно. Промозгло. А ему хочется орать от радости. Видит все. Может ходить. Даже бегать. Только недолго. А если долго, то нога потом ноет. Но это ерунда. Совсем ерунда.

И он видит. Не только как нормальные люди, но и еще немного больше.

Ближний инфракрасный и ультрафиолетовый свет.

Остаточные явления контузии.

...

Еще летом, на пляже встретился с Кириллом, бывшим одноклассником.

Тот, уже с брюшком, с начинающейся лысиной, с женой и ребенком. Солидный человек.

Разговорились.

Кирилл пригласил поработать у него. Околостроительные услуги: техника в аренду и электрические коммуникации.

Проектирование, монтаж.

Нужен менеджер по продажам. Артем согласился.

С августа начал торговать. Вроде получалось. Разобрался в специфике, втянулся. Вот и новый 2020 год. Михалыч, седой дядька хорошо за пятьдесят, собаку съевший на этом деле, стал начальником электротехнического направления. А на место менеджера по проектам он поставил Артема. После пары самостоятельных проектов Артем понял, где его место. Работы много. Работы разной. И это ему нравилось. А еще ему помогало его новое зрение. Как в общении с техникой, так и в общении с людьми.

Артем работал. Много. С восьми уже на работе. Домой после девяти. Суббота – почти всегда рабочий день. Его никто не заставлял, не просил. Он сам. Дома он только спал. С женщинами — не общался. Сослуживцы звали выпить — отказывался.

Отдыхал просто: зимой начал бегать на лыжах. 3 километра, 8...15... Пил чай из термоса, наблюдал за снежинками, слушал лес... Домой приходил уставший, но полностью обновленный.

Когда снег стоял, стал ходить с рюкзаком. Уезжал на электричке или на автобусе за город и пешком, по заранее проложенному маршруту. 10 км, 20... В июне уезжал в субботу после обеда: рыбалка, палатка, ночевка..., когда приезжал вечером в воскресенье домой, на навигаторе могло быть и 30 км, и 40 км. Пешком. И всегда один. Только один.

Он любил смотреть лес. Деревья, кусты, цветы. Даже мхи и лишайники. Наблюдал, примечал. Насекомые. Муравейники, оказывается, светятся. Не сильно, но заметно. Артем видел старые и свежие следы зверей, замечал лежки. Птицы. Какие они цветастые! Ему нравилось брать с собой поменьше, а все нужное находить по пути. Такое небольшое выживание.

...

Шрам на лице — от осколка. На правой щеке, от скулы к подбородку. Когда он спокоен — бледная полоска. Когда в гнев — краснеет, наливается, становится видимой за десять метров.

Он узнал об этом случайно. Однажды, после бурного совещания Кирилл сказал:

— Ты, когда злишься — запугиваешь одним видом. Шрам твой — как барометр.

Артем, еще распаленный дебатами, подошел к зеркалу, посмотрел. Провел пальцем.

Красный, как свежий рубец.

— Полезно, — сказал. — Стращаю.

Михалыч, стоявший рядом, лишь усмехнулся:

— На работе — да, полезно. А с девками — нет. Ты контролируй себя, а то так бирюком и останешься.

В начале июля Михалыч, не наравдававшийся на новоиспеченного руководителя проектов, вызвал Артема к себе. Когда он зашел в кабинет, Михалыч курил, стоя у открытой

форточки, хотя Кирилл строго настрого приказал: курить только на улице или в курилке.

—Арте́м? — Заходи, садись.

Арте́м сел, при себе папка с графиками по проекту. Проект почти закончен, не без косяков, конечно, но все исправимо.

—Ты с Барабинском закончил?

—Почти... Что-то не так? — слегка занервничал Арте́м. Погрешности были, но все быстро исправимые.

—Да нет..., пока — все так. Ты в графике, я смотрел..., но...—Михалыч затянулся, потом затушил бычок прямо в горшок с каким-то фикусом, стоявший на подоконнике — От работы кони дохнут, а люди — тем более. Ты год па-шешь без выходных почти... Поэтому: проект закончишь, пойдешь в отпуск. С Кириллом я все согласовал.

Арте́м как подумал, что будет сидеть без цели и без дела целый месяц... И решительно отказался. Михалыч настаивал. В конце концов пришли к компромиссу: отпуск на две недели. Конец июля — начало августа.

...

Арте́м сидел на полу в зале, вокруг него разложено снаряжение.

Рюкзак — современный, с подвеской, на пятьдесят литров с возможностью расширения. Куплен еще весной, по скидке. Арте́м пользуется им два месяца. Хорош. Стоит каждого потраченного рубля. Палатку брать не стал. Вместо неё взял

кусок брезента три на три метра, с люверсами по краям, которые ставил сам через каждые полметра. Веревка и шнур потоньше. Две бухты по десять метров. Спальник — синтетика, до минус пяти. Легкий, сжимается в кулак. Пенка-коврик на 2 м. Десантный алюминиевый комплект — фляга, котелок, миска. Столовый туристический набор. Спички, кресало. 4 армейских сухпая, которые «не для продажи», но в каждом специализированном магазине стоит. Мешочек сухарей из черного хлеба, чай, соль, немного приправ. Соли взял максимально, сколько в банку влезло, получилось почти четверть килограммовой пачки. Батя говорил: проживешь без всего кроме воды и соли. Он вздохнул: батя, батя, что ж ты так рано-то... Воды с собой взял — две пластиковых полторашки плюс литр во фляге. По маршруту вода будет, поэтому с собой не много. Еще взял фильтр и таблетки для обеззараживания. Аптечка. Рыбацкие принадлежности, спиннинг и две готовые закидушки.

Гаджеты. Навигатор уже полгода таскает, только карты обновил. Зато прикупил пауэрбанк с солнечной батареей и защищенный смартфон: защита по IP68, IP69, MIL-STD 810, хороший экран—почти 8 дюймов, батарейка на десять тысяч и пятьсот гигабайт памяти. Накачал книги по выживанию и «сделай сам», энциклопедии, справочники. Качал с торрентов, паками, поэтому добавилась всякая всячина: от гадания на картах таро до описания самых необъяснимых случаев и мистических мест. Скачал разнообразные онлайн и

офлайн карты. Плюсом история науки и техники. Книги и справочники по технологиям из серии не только «как построить звездолет своими руками» или «сделать ядерную бомбу в домашних условиях», но и нужные вещи-лук, самострел, западни. Химия, медицина и вот это вот все, что нашел на просторах интернета. Как раз в походе по вечерам будет дело: повыкидывать лишнее. Добавил немного художественного чтива. Кино, сериалы качать не стал. Не любитель смотреть на мелком экране. Понаставил всяческих программ от карт земли и неба до баллистических вычислителей. В общем, будет, чем себя по вечерам занять.

Собираясь в поход Артем перебирал каждую вещь, проверял на ощупь. Глаза видят нормально, но привычка осталась.

Он еще раз включает смартфон, проверяет заряд. Полна коробочка.

Проверяет повербанк—полон.

Солнечная панель на пауэрбанке—работает.

— Если все это за неделю сядет... — пробормотал себе под нос, — значит, я не туда зашёл.

А с другой стороны, давит армейский опыт: батарейки, они как патроны – их или очень мало, или мало, но больше не унести.

Он убирает телефон и пауэрбанк в гермомешок. Для верности пакет заклеивает скотчем.

Рюкзак собирает медленно, качественно. Сверяется с заранее составленным списком.

Нож, мультитул, складная лопатка, топорик... насчет двух последних долго думал, решил — не брать, как и складную пилу. Подумал: «пожалее». Но, когда взвесил почти собранный рюкзак, решил наступить на горло выживальческой песне.

Добавил армейский несессер, иголки с нитками, смену белья, документы, ключи.

— Все... — говорит он.

Больше убирать нечего. Всё нужно.

Он застёгивает рюкзак, подгоняет лямки. Прыгает на месте. Не гремит. Не бряцает. Лежит надёжно.

— Пойдёт.

...

Конец июля 2020.

Утро. Лето. Сибирь.

Артем вышел из дома в восемь.

Солнце уже высоко. На небе — ни облачка. День обещал быть жарким.

На площади Калинина сел в микроавтобус-маршрутку. Свободных мест нет, дачники убегают из города. Он садится у прохода, рюкзак поставил рядом.

Поехали.

Артем смотрел в окно. Дома, сначала высокие, потом поменьше. Дороги, сначала широкие, потом поуже. Машины, сначала сплошным потоком, потом пожиже. Потом поля. Потом лес. В основном сосны. Но попадаются берёзы, осины,

ели. Зеленые легкие Новосибирска, еще не убитые коттеджными поселками. На каждой остановке народ потихоньку выходит. Артем сидит.

Вот и асфальт кончился. Щебеночное шоссе.

До конечной остановки остается километров семь. Артем попросил остановить прямо здесь, посреди леса, не доезжая до конечной.

Вышел.

Его недоуменно или безразлично проводило три пары глаз оставшихся пассажиров. Чувствуется, как припекает. Микроавтобус уехал, поднимая белёсую пыль. Не Сирия, конечно, но похоже. Сердце немного сдавило непрошенными воспоминаниями. После автобуса кажется, что наступила все-ленская тишина.

Воздух тут другой. Лесной, с хвоей, с прелостью.

Артем постоял, привыкая к весу. Рюкзак давит на плечи, пояс обхватывает бёдра. Всё сидит нормально. Появляется щебет птиц, жужжание насекомых, шелест деревьев.

Он достал флягу, глотнул. Вода тёплая, вкус отдает металлом.

Посмотрел на навигатор. Предстоит пройти километров десять-двенадцать по лесу на запад. Потом ночевка. Потом, еще несколько километров и река. Рыбалка, купание ..., а потом – вверх по течению, по берегу, до самого Новосибирска. На все пять дней. Максимум шесть. Темп неспешный, почти прогулочный—не только идти, но еще и порыбачить,

и позагорать.

Артем втянул в себя свежий воздух, энергично выдохнул:
— Ну, с богом.

Первый километр — тяжелоовато, потливо.

Рюкзак давит килограммами. Плечи ещё не привыкли.
Пояс трёт поясницу. Артем остановился, переподогнал лямки, подтянул пояс.

Жара. Отовсюду стрекот, жужжание. Еще глоток водички.
Пошёл дальше.

Тропы нет. Но лес — нормальный, проходимый. Через пару-тройку недель грибники начнут все утаптывать. Сюда, скорее всего, дойдут единицы, но, чем ближе к Новосибирску, тем людей больше. Для одиночных походов от города надо будет отъезжать подальше.

Артем смотрит под ноги. Нога держится. Но он помнит: если перетрудить, нога будет хромать. А ночью — ныть, мешая спать хуже комаров. Мерзкий осколок... Чего его в госпитале не вытащили? Вопрос был риторический. Ему объясняли, но все равно...

Он шёл неспешно. Пара километров в час, может три, не больше.

Через час вышел на просеку. Широкая, метров десять. Под ЛЭП. Трава примята, кто-то проезжал на квадроциклах. Сегодня, но давно. След уже остыл.

По просеке идти легче. Трава ниже, шаг уверенней.

Глаза сами сканируют округ. Слева, параллельно, идет

след косули. Вчерашний. Артем присмотрелся внимательно. Цепочка следов прошла по мягкой земле, потом свернула под углом к просеке.

А он идёт дальше.

Через час сделал привал. Сел на упавшее дерево. Рюкзак поставил рядом.

Выпил воды. Лес все также замер в жаре, лишь изредка шевеля листьями.

Солнце еще высоко, но тени уже начали удлиняться. Четвертый час после полудня. Самая жара. Где-то стучит дятел. Высоко в небе неслышно летит самолет. Голубое небо прочертил инверсионный след. Много ниже, под углом летит второй. Этот, наверное, в Толмачево. Артем проводил его взглядом.

Навигатор показывает — пройдено почти семь километров.

— Неплохо, — сказал себе Артем.

Он снял кроссовки, вытряхнул хвою, песок. Шевелит пальцами в носках. Без обуви — хорошо. Надевает обратно. Кроссовки — трекинговые, высокие, мембрана. Носки — шерстяные, тонкие.

Нога не болит. Прекрасно.

Можно шагать дальше.

...

После еще одного привала, уже вечером, Артем нашел место для ночевки.

На краю оврага ровная площадка. Внизу сырость, но ручья нет. Зато есть сухой лес, валежник.

—Заночуем здесь, — он привык разговаривать сам с собой, когда один.

А сейчас он один. Навигатор говорит, что до реки еще почти два часа ходу.

Снял рюкзак, начал обустраиваться.

Первым делом дрова... Собирает сушняк: ветки, сухие стволы. Ломал, таскал. Начал жалеть, что топорик оставил дома.

Костер разжегся с одной спички. «Красава» похвалил сам себя. Это не трудно, когда все как порох. Вспомнил щит на дороге «Берегите лес от пожара».

Пообещал стараться.

Огонь разгорается. Трещит, немного дымит сначала, потом — ровное пламя.

Артем поставил котелок. Из первоначальных четырех литров воды осталось чуть более половины. Пора начать экономить, пока не найдет ручья или не дойдет до реки.

Пока вода греется, ставит тент.

Брезент одной стороной расстелил на земле, другую накинул на веревку, привязанную к двум соснам. Заточенные колышки, наструганные ножом из веток, вставил понизу в люверсы. Верх растянул паракордом. Получился навес в форме буквы «С», открытой стороной к костру. На низ — пенку, сверху спальник, под голову—рюкзак.

Спальное место. Походный уют.

Вода в котелке забурилась. Артем сел у костра. Заварил гороховый суп из пакета.

Пока варится — достал подсушенный хлеб, открыл паштет из сухпая. Заварил чай в железной кружке.

Ел не торопясь. Жара аппетит пригасила, но не убила совсем.

В лесу темнеет быстро. Солнце садится за деревья, становится серо, потом совсем темно.

Достал смартфон, начал смотреть чего накачал, попутно удаляя всякую шнягу.

Тишина. Только костер потрескивает, стреляя искрами. На небе звёзды. Много звезд. Над головой повис Млечный путь. Летний, яркий. В городе такое не увидеть.

В смартфон смотреть надоело. Артем глядит на костёр. Огонь жёлтый, со всеми оттенками красного. Тени шевелятся по деревьям.

Он думал о работе. О проекте, который сдал. О Михалыче, который сказал «отдыхай». О Кирилле, который похлопал по плечу.

— Отдыхаю, — говорит Артем.

Подкинул дров. Посмотрел, как вверх взвились искры.

Где-то кричала ночная птица, тонко пищали комары. Хорошо.

Артем сидел у костра. Нога не болит, но он по привычке массировал левую голень, чуть выше щиколотки. Там, где

мерзкий осколок внутри.

Он почти допил чай. Уже холодный. Пора спать.

И тут — приход.

Головокружение. Не сильное. Сначала просто качнуло.
Как в автобусе на повороте.

Артем замер.

Закрыв глаза.

— Пронесёт, — с надеждой говорит сам себе.

Вторая волна. Сильнее.

Мир качнулся в другую сторону. Костер — поплыл.

Артем схватился за землю. Пальцы вцепились в траву, в песок.

— Чёрт...

Третья волна.

Он чувствует, как тело становится чужим. Руки не слушаются. Ноги ватные.

— Не пронесло...

Откуда-то снизу накатывает темнота. Густая, давящая.
Артем почувствовал, как улетает прямо в эту бездонную темень.

Сознание погасло.

Артем упал на бок, прямо у костра. Рядом упала кружка, из которой потек недопитый чай.

...

Сознание возвращалось медленно.

Сначала почувствовал холод. Сырость, пробравшуюся

под куртку к телу. Потом услышал тишину. Ни птиц, ни ветра, ни комаров.

Артём открыл глаза. Вокруг нереальный серебристо-серый свет. Густой туман. Буквально за пять метров ничего не видно. Он лежал на боку, лицом к прогоревшему костру. Тепло сильно затекло. Рядом валялась кружка. Голова тяжелая и болит, как с похмелья. Глухо, с пульсацией в висках. Но вот незадача: он не пил ни грамма. Ни вчера, ни позавчера. Уже какой год.

— Вот это накрыло... — просипел про себя.

Врач-нейрохирург говорил: внезапные головокружения могут быть одним из последствий контузии. Поэтому до сих пор Артем не имеет машины, хотя права есть еще с института. Раньше головокружения были, но понемногу прошли. Как работать стал — ни разу не накрывало. Даже когда совсем запарка была. А вот тут, в отпуске... поди ж ты.

Он сел. Мир качнулся, потом замер.

—Надо аккуратнее.

Артем осторожно встал, держась за дерево. Покачивало. Развёл костёр. Поставил чай. Простые движения возвращали к жизни.

Чай пил не спеша. Маленькими глотками. Тепло растекалось по телу, в голове прояснялось, туман уходил. Но только в голове, не вокруг.

Съел галету. Вроде попустило. Ну что ж, время идет, надо идти. Решил уточнить маршрут, а потом собираться и в путь.

Достал навигатор. Спутников нет. 10 секунд, 30..., минута... Ждет пять минут – все равно нет.

—Ударил, вчера, что ли?

Достал смартфон. Нашел карты, настроил... Спутников нет. Сигнала нет тоже. Ладно, заблудится тут тяжело, сейчас определится по компасу, куда путь держать. Но компас сошел с ума: стрелка пляшет по всему кругу. Открывает компас в навигаторе – такая же картина. Где-то есть еще механический, незнамо зачем таскаемый. Порылся в рюкзаке, нашел. Стрелка хаотично крутится.

—Что за черт...

Туман ответил тишиной.

Идти по оврагу? Теоретически он должен идти в сторону уклона, то есть к реке. А если – нет? По оффлайн-карте никаких оврагов не показано.

Артем попробовал определиться со сторонами света без компаса. Солнца не видно. Туман такой густой, что даже не понятно, откуда льется свет...

Он отломил ветку, воткнул в землю. Тени не было.

— Что ж... Компас не работает, ориентиров нет, будем ждать Солнце. Время пока есть.

Он сидел у костра несколько часов. Пил чай. Смотрел энциклопедии по выживальчеству. Размышлял. Изредка вставал, ходил вокруг, смотрел лишайники на деревьях (должны указывать на север), муравейники (должны указывать на юг). Ничего не нашел. Ни лишайников, ни муравейников. Оста-

ется только солнце, но проклятый туман... Время от времени он посматривал на палку.

Ближе к полудню тень появилась. Еле-еле, но появилась. Солнце в полдень на юге. Тень от палки на север.

Артём определил направление на запад. Собрал лагерь. Тщательно затушил костёр.

— Пора идти.

Едва отошел от лагеря, как попал в эпический бурелом. Деревья валялись густо и заломы были свежими.

— Это что ж тут такое произошло? — думал Артем, с трудом пробираясь через природную баррикаду. — Смерч? Ураган?

Он уже видел пару раз подобное в своей жизни. К счастью, это продолжилось недолго, метров пятьдесят. Потом опять потянулся лес, только сосен поменьше стало.

...

Лес поредел. Идти стало легче. Нога держалась молодцом. Он шёл, время от времени втыкая веточку и разглядывая тень. Часа через полтора позволил себе привал. По-прежнему вокруг тишина. И туман. Правда уже не такой густой. Если поутру виднелось максимум на пять-десять метров, то сейчас уже на все двадцать. Внизу, в лесу, туман уже почти не ощущался. А вот небо по-прежнему затянуто так, что Солнце не различимо. Вода осталась только во фляге. И это начало напрягать. Пора бы найти источник.

Река появилась внезапно. Он шел, высматривая, куда по-

ставить ногу и вдруг деревья расступились. Обрыв. Внизу — темная вода, впереди — серебристо-серая хмарь.

Объ. Наконец-то.

Артём скинул рюкзак. Вытер пот. Удовлетворенно вздохнул:

— Пришли.

Он спустился к воде. Нашёл ровное место. Поставил закидушки на хлебном мякише. Профильтровал и вскипятил воду. Заварил чай.

Настроение поднялось. Вышел на ориентир, который ядерным взрывом не сдвинешь. Теперь по берегу и в Новосибирск. Пара дней, не больше. Но он не будет спешить. Вода есть. Еда тоже. Даже если ничего не поймает, голод ему не грозил. Надо отдохнуть. Идти не торопясь. А то какой-то напряженный поход получился....

Пока пил чай, случилась поклевка.

Артём подсек, вытащил. Подлещик. Грамм на 300, а то и больше. Плоский, серебристый.

— Ну вот и свежий ужин будет.

Сел на корточки у воды. Достал нож. Хороший, охотничий, острый.

Взял рыбу. Чешуя мелкая, скребётся легко. Вспорол брюхо, вынул и выкинул внутренности. Промыл в реке.

Замер.

Вода текла под руками.

Справа налево.

— Чего? — сказал он вслух.

Посмотрел на реку. На свои руки. Снова на реку.

Вода текла справа налево.

Артём выпрямился. Повернул голову. Определил, где солнце. Туман хорошо разошелся. Так что уже можно было видеть откуда светит солнце.

Он стоял лицом к реке. Солнце было слева, спереди. Значит, слева — южная сторона. А справа, соответственно, северная.

Вода текла справа налево. С севера на юг.

Объ течёт с юга на север.

С юга на север.

А вода перед ним текла с севера на юг.

Он сел прямо на песок.

Забытая рыба лежала рядом. Почти дочищенная и почти разделанная. Рыбья слизь на пальцах медленно засыхала, противно стягивая кожу.

Но Артем этого не замечал.

Он смотрел на реку.

Темная вода, мелкий мусор.

Течение спокойное. Уверенное. Мощное.

С севера на юг.

— Бред, — сказал он.

Он встал. Прошёлся вдоль берега. Метров пятьдесят туда, пятьдесят обратно.

Течение не менялось.

Он огляделся ещё раз. Солнце есть. На небе. Слева. Река есть. Прямо перед ним. Широкая, большая.

Лицом к реке, значит лицом на запад. Слева — юг. Справа — север.

Течение — справа налево. С севера на юг.

Артём закрыл глаза. Открыл.

Вода всё так же текла мимо. Молча. Неумолимо. Неправильно.

Он сидел долго. Потом взял подлещика. Промыл, нарезал, бросил в котелок. Добавил дров в костер. Поставил варить.

Пока рыба варилась, смотрел на реку. Мыслей не было.

Когда все было готово, съел рыбу. Хлеб размочил в бульоне. Вкусно, сытно. Выпил кружку чая. Руки немного тряслись. Внутри звенящая пустота. И холод. Несмотря на летнюю жару.

...

Туман рассеивался медленно.

Береговая линия, на противоположном берегу, постепенно проявляясь, становилась все отчетливее. Сначала темная полоса, потом проступили деревья. К вечеру Артем различал уже все отчётливо.

Река была шириной метров триста-четырееста. Может, чуть больше.

Артем смотрел, шурился, прикидывал.

— Маловато.

Он достал телефон, открыл офлайн-карту, проверил. Дей-

ствительно, Обь в этом месте — метров шестьсот-восемьсот. Не меньше.

— Протока?

Прикинул по карте ширину Оби у островов. Абрашкин, Маленький. Он мог выйти к протоке вместо основного русла.

— Тогда ширина сходится.

Но течение.

Артем прошёлся вдоль берега. Вправо, метров двести. Влево, столько же.

Другой берег однородный. Никаких признаков, что на-против —остров. Река течёт широко, не разделяясь.

Он вернулся к лагерю. Сел на камень.

— Даже если протока, — сказал он, — течение всё равно не может быть с севера на юг.

Обь течёт с юга на север. Всегда. В основном русле, в про-токах... Куда ни кинь — строго с юга на север. Есть, правда, колено, где Обь течет с запада на восток. Но это сильно се-вернее, чем он сейчас находился.

Но здесь, как же так получается? —река текла с севера на юг.

—Так не может быть, — повторил он. — Не может быть, потому что не может.

А реке было плевать на то, что думал Артем. Она просто текла. И несла свои воды. К югу. Вместо севера.

...

К наступающим сумеркам туман практически исчез.

Небо очистилось. Солнце садилось за дальний берег, а Артем пребывал в немом восхищении.

Закат был необычайно красивый.

Красный, оранжевый, фиолетовый — полосы, слои, переходы. Цвета были такие, каких он никогда не видел. Это его новое зрение? Или просто закат такой богатый? У Артема не было ответа. Редкие облака горели, как изнутри. Вода отражала небо и казалось, что река течёт сквозь огонь.

Он сидел, смотрел. Не думал ни о чём. Ступор? Может быть.

Было красиво. Просто красиво. Нет, не просто. Было очень красиво. Просто сногшибательно и фантастически красиво. Как и ситуация, в которую попал Артем. Сногшибательная. Фантастическая.

Когда солнце зашло, на западе осталась светлая полоса. Тёплая, жёлтая. Потом она стала остывать, сереть.

Наступала ночь.

Он лежал на брезенте, на пенке, на разложенном спальнике. Бездумно смотрел вверх.

Небо постепенно темнело. Появлялись звезды.

Первая звезда. Вторая. Третья.

И вот уже звезды стали складываться в созвездия. Небо почернело. Звезды горели все ярче, их становилось все гуще. Вот стал угадываться и млечный путь. Вокруг — темнота, но Артем видел. Остывающую землю, камни, растения... И неправильную реку.

Артем смотрел на небо. Глаза автоматически нашли ковш Большой Медведицы. Семь звёзд. Всё есть. Нашли Малую Медведицу, Полярную звезду. Букву W Кассиопеи. Пояс Ориона...

Всё знакомое.

Знакомое, да не совсем.

Артем прищурился. В созвездиях явно было что-то не так.

Ковш — есть. Буква W есть. Пояс Ориона есть. Но сдвинуты. Расположены не так, как под Новосибирском.

Он сел. Сердце забилося чаще.

— Не может быть.

На смартфоне запустил Stellarium. Карта ночного неба — астрономическое приложение. Работает без интернета, с внутренними данными. Да здравствует оффлайн!

Выбрал Северное полушарие. Конец июля. Широта — пятьдесят пять градусов. Долгота — 82 градуса, как у Новосибирска.

Посмотрел на экран. Потом на небо.

Рисунок такой же, но расположение звезд относительно горизонта не совпадало.

Высота звезд привычная. Примерно такая же, как в Новосибирске. Значит широта места, где он находился, такая же. А вот долгота... Артем начал подбирал долготу.

Сместил на запад. Семьдесят градусов. Пятьдесят.

Созвездия на экране поворачивались в правильную сто-

рону. Становились ближе к тому, что он видел над головой.

Градусах на 30 – сошлись. Значит, он сейчас примерно на 25-35 градусах восточной долготы.

Почти.

Артем смотрел на экран. Потом на небо.

— Двадцать пять — тридцать пять, — задумчиво сказал он.

Градусов восточной долготы.

Новосибирск — восемьдесят два.

Разница — почти шестьдесят градусов.

Артем сидел, обхватив руками колени.

— Это не Обь, — сказал он тихо.

Вслух. В ночную тишину. Других голосов не было.

— Если долгота двадцать пять — тридцать пять, то какая река может быть такой широкой?

Он снова взял телефон. Открыл карту. Простую. Оффлайновую. Без спутников, без GPS...

На этой долготе, в северном полушарии, между пятидесятым и шестидесятым градусом широты.

Если взять все скопом, получается несколько.

Западная Двина. Неман. Висла.

Но по ширине?

Артем увеличил масштаб.

Днепр.

Ближе к 30 градусам восточной долготы. Где-то в районе Славутича, последнего города, построенного в СССР.

Река широкая, мощная. Течёт с севера на юг.

С севера на юг.

— Точно, — выдохнул он.

Днепр течёт с севера на юг. От Валдайской возвышенности к Чёрному морю.

Артем мысленно попробовал прикинуть в цифрах.

Если брать по среднему, то восемьдесят два градуса минус тридцать градусов и умножить примерно на шестьдесят пять километров—примерная длина градуса долготы на широте Новосибирска...—получается 3380 км.

Измерил по карте расстояние от Оби в районе Новосибирска до Днепра в районе Славутича. 3400 км. Получается, пока он лежал без сознания, его перенесло на три с лишним тысячи километров к западу. Почти как на самолете. Но без самолета. Артем проверил даты. Вечером 29 июля 2020 года в среду он был у Оби, под Новосибирском. Посмотрел на телефон. Сейчас вечер 30 июля 2020 года, четверг. И он у Днепра.

Он убрал телефон. Руки опять задрожали.

Славутич. Новый город работников ЧАЭС.

Это рядом с Чернобыльской зоной отчуждения. Примерно в ста — ста пятидесяти километрах севернее Киева.

Артем замер. Думал недолго.

— Я ел рыбу. Из реки.

Вспомнил вкус этой рыбы. Вспомнил ягоды, которые собирал по дороге.

Воду пил. Фильтрованную, кипячёную, но из реки.

Если это Днепр, а он в зоне отчуждения...

Артем вскочил. Подбежал к котелку. Кроме костей, там ничего не было. Он съел и выпил все, что приготовил. Из местной воды. Из местной рыбы.

— Да что ж такое-то... — Артем попытался успокоиться:

— Если что-то поймал — не страшно, — бормотал он. — Не страшно. Доза небольшая. На разовое употребление.

И сам не верил своим словам.

После Артем сидел у костра. Не спал.

Смотрел на огонь. На реку. На звёзды.

— Как я сюда попал? Как???

Ответа не было.

Он перебирал варианты. Может это контузия? Может, он в коме? А мозг просто рисует.

Но звёзды — их нельзя придумать. Не так, чтобы с точностью до считанных градусов по долготе и широте.

— Как такое возможно?

Он лёг. Закрыв глаза.

В голову лезли непрошенные мысли.

Чернобыль. Зона отчуждения. Радиация. Он ел рыбу. Пил воду.

Сердце колотилось. Нервная дрожь била с ног до головы.

Он лежал, сжимал и разжимал кулаки. Смотрел на звёзды.

Звёзды молчали. Не подсказывали. Им, похоже, было все равно. Как и реке.

А Артему-нет.

Забылся сном он, когда уже серело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.